

https://www.trud.ru/article/14-06-2012/277349_dmitrij_xvorostovskij_ia_zhe_ne_v_restorane_poju_.html

14 Июня 2012

Дмитрий Хворостовский: «Я же не в ресторане пою!»

20 июня на Дворцовой площади Санкт-Петербурга самый известный из современных русских оперных певцов даст гала-концерт

Мария Бабалова

20 июня на Дворцовой площади Санкт-Петербурга самый известный из современных русских оперных певцов даст гала-концерт. Хворостовского привычно называют лучшим вердиевским баритоном мира. При этом Игорь Крутой пишет для него эстрадные романсы, а сам Дмитрий Александрович в беседе с корреспондентом «Труда» обнаружил неожиданную для артиста, давно живущего за рубежом, осведомленность о карьере Стаса Михайлова и Григория Лепса, сотрясающих нынешнюю масскультуру.

20 июня на Дворцовой площади Санкт-Петербурга вы даете гала-концерт вместе со знаменитой южно-корейской сопрано Суми Джо, с которой уже неоднократно выступали вместе. А как в вашей компании оказалась 12-летняя американка Джеки Иванко?

— Организаторы концерта захотели сделать шоу. Я предложил в первом отделении спеть арии из классических опер, а во втором — шлягеры Игоря Крутого. Суми с радостью согласилась. Что будет петь Джеки Иванко, понятия не имею. Вообще ее представители повели себя очень вызывающе, расставив всех нас совершенно иным, каким-то только им нужным способом. На что я сказал: «Спасибо, до свидания. Я пошел». Точно так же отреагировала и Суми. После чего нам все-таки удалось прийти к компромиссу.

Да, люди придут, поглазеют на Джеки Иванко. Девочка необычная, считающаяся чуть ли не национальной героиней в Америке. Этаким вундеркинд, поющий взрослым голосом. Правда, я к подобным явлениям отношусь с опаской. На меня никакого впечатления ее пение, честно говоря, не произвело. Робертино Лоретти, Шарлин Чеч — красивая детская сказка быстро и печально заканчивается, но у родителей есть несколько лет, чтобы существенно поправить материальное положение.

— А какие у вас планы на лето?

— Я буду и в России, и вне ее. Сейчас кое-что из запланированных в России выступлений у меня отвалилось, образовалось даже три-четыре недели отдыха. Поеду во Флориду учить новые вердиевские партии: Яго, Макбет, Дон Карлос в «Силе судьбы». Все сразу, методом мозговой атаки. И подобный подход, как правило, помогает достичь искомого результата, потому что, когда у тебя есть какой-то лимит времени, твой мозг это понимает и работает в драйв-режиме.

— Это как?

— Это быстро и весело. Ну, вот пример из детства. Сколько мама с папой ни помогали мне в школе с нелюбимой математикой, у меня постоянно возникало состояние прострации. Но как только у кого-то из родителей лопалось терпение, задачки решались мгновенно. Мне нужна встряска, тогда я начинаю работать в усиленном режиме. В данном случае это когда премьера на носу, и я понимаю, что ударить в грязь лицом у меня нет права. А мне предстоит дебют в «Отелло» на сцене Венской государственной оперы всего с трех репетиций. Вот адреналин в кровь хлынет! Жить-то надо весело:

— А выступления по России «отваливались» по вашей инициативе?

— Нет, по моей инициативе ничего не отваливается. Сейчас новое время настало. Идет активная перетасовка кадров по всей стране, и это имеет, увы, драматические последствия для культуры. Раньше были регионы, где губернаторы-мастодонты обращали внимание на знаковые художественные события, классические концерты, теперь же абсолютному большинству начальников наплевать на культуру. Много концертов, которые директора местных филармоний делали на свой страх и риск, сегодня отменяются «за ненадобностью». При этом и Стас Михайлов, и Григорий Лепс продают многотысячные залы и стадионы... Эта новая «культурная» политика прежде всего, конечно, ударит по филармоническому делу и классическим артистам. Был момент, когда я, например, приезжал в Омск и выходил на сцену только что открывшегося концертного зала с прекрасной акустикой, и у меня в душе зарождались надежды относительно будущего культуры в нашей стране... Похоже, заблуждался.

— На вашем майском концерте в Москве публика так разгорячилась, что вела себя, мягко говоря, с излишней раскованностью. Вы привыкли к подобной реакции зала?

— К сожалению, определенного рода невежество имеет место быть все чаще. Я пытаюсь с этим бороться, деликатно объясняя, иногда даже прямо со сцены, что не стоит разговаривать, гулять по залу или выкрикивать с места «песенку под заказ». Я же не в ресторане пою, а в консерватории. Но на моих выступлениях в России все чаще приходится видеть каких-то странных людей, которым только и надо, что на знаменитость живьем посмотреть и себя показать. Думаю, уже пора крупными буквами в программках концертов писать: «Не берите автограф у исполнителя во время концерта, тем более не пытайтесь с ним сфотографироваться. Это пошло! Это дурной тон!»

Впрочем, поведение публики никаким образом не изменит мою репертуарную политику. Я и дальше буду продолжать делать то, чем занимаюсь: исполнять классическую музыку. Кстати, обидное наблюдение: на моем парижском концерте, также состоявшем из романсов Рахманинова и Чайковского, публика была полной противоположностью московской — умная, тактичная. На треть состоявшая из русских, очень молодых людей.

— Но вы же сами порой позволяете себе выходить в разномастных сборно-протокольных концертах, как это было, например, только что на День пограничника в Кремле...

— Есть поговорка английских драгунов: «Если у вас нет возможности избежать этого, расслабьтесь и получите удовольствие». Что я и делаю иногда.

— К популярной музыке вы обращались и по собственному желанию. Сделали прекрасную программу военных песен, записали диск песен Александры Пахмутовой, представили неожиданный, абсолютно оригинальный проект на музыку Игоря Крутого «Дежавю» и, кажется, готовите с ним еще одну программу.

— И все эти вещи были мне интересны. Я занимался ими с полной профессиональной и душевной отдачей. Что касается нового проекта с Игорем, его не будет, во всяком случае пока. Те песни, что были представлены в прошлом году на «Новой волне» в Юрмале в моем исполнении, — это как бы бонусные треки к тому альбому, который только что Игорь записал с Суми Джо и Ларой

Фабиан. Я считаю, те 24 песенки, что были сделаны для «Дежавю», — их еще надо отрабатывать. Написаны они на разноязычные тексты, которые для российской публики, скорее всего, должны быть переведены на русский. Этот проект получился очень дорогой, элитарный. Поэтому на данный момент реализован, по-моему, не больше, чем на пару процентов. Мне это не нравится. Я хотел бы иметь аранжировки для небольшого состава оркестра, без хора и художественных инсталляций. И с удовольствием гастролировал бы с этой программой, она стоит того.

— Если переключиться на оперу, то, наверное, самое интригующее из того, что вам предстоит, — это серия спектаклей «Евгений Онегин» в Вене в апреле следующего года, когда вы будете петь Онегина вместе с Анной Нетребко, дебютирующей в партии Татьяны?

— Вообще сейчас у меня вердиевский период в опере. А этот Онегин — исключение, которое я сделал ради Ани. Онегина я ныне не пою. Какой я Онегин? Я уже не фрачный герой. Для меня гораздо интереснее Верди, и голос лучше звучит. И потом, все мои пробы с Онегиным обычно кончаются чувствительным разочарованием. В той же Вене постановка «Онегина» местечковая, препротивнейшая. Она, может, не худшая, не такая мерзкая, как в Мюнхене или Париже, но все равно удовольствие в ней петь для русского человека очень сомнительное. Я становлюсь крайне мнительным, когда встречаю пренебрежение к нашей истории, когда чувствую, что Чайковского недооценивают, считая его сентиментальным, неглубоким, меланхоличным и даже однообразным. Таких людей я ставил бы к стенке.

Чайковский сентиментален, но глубок и трагичен. Он отражает сокровища русского духа. Но на Западе часто «Евгений Онегин» становится жертвой пошлого трафарета. Там, намекая на известные обстоятельства личной жизни композитора, начинают искать у Онегина и Ленского любовь и заниматься прочими глупостями. Возникает черт знает что — примитив, банальность, недостойные нашего национального достояния. Такое же равнодушное, охранительное отношение я вижу и у великого Юрия Хатуевича Темирканова, который продирижировал многими постановками русских опер, за что я его обожаю и снимаю перед ним шапку.

— Похоже, Россия вас так и не услышит и не увидит в подобающем вашему статусу оперном спектакле...

— Все будет. Уже скоро, в 14-м году.

— Последний раз говорили, что обязательно что-нибудь подобное произойдет к вашему 50-летию, то есть в нынешнем октябре...

— К юбилею обещали, но я совершенно не обольщался по этому поводу. Слишком много организационных трудностей надо преодолеть, чтобы на гастроли в Большой театр приехал, например, «Ковент-гарден», где я часто появляюсь в спектаклях. Поэтому в качестве моего юбилейного вечера будет концерт в Кремле из цикла «Хворостовский и друзья» в январе следующего года. По моему, должно получиться красиво и хорошо. Я позвал Барбару Фриттоли, Ильдара и Аскара Абдразаковых, Рамона Варгаса, Екатерину Губанову. Плюс будут сюрпризы очень приятные.

— А как вы будете непосредственно отмечать свой юбилей?

— Я 16 октября буду в Нью-Йорке. В «Метрополитен-опере» у меня уже начнутся репетиции «Бала-маскарада» Верди. Поэтому я от части мира скроюсь. К тому же, в отличие от России, на Западе нет традиции закатывать пир на весь мир по случаю дня рождения. И это мне нравится. Зачем трубить по всему свету о своем возрасте?

— Чувствуется, грядущая дата вас не радует?

— Пока мне 49 еще. Но я не рефлексирую по поводу возраста. Я чувствую себя прекрасно и абсолютно спокоен. Сегодня сил у меня больше, чем у 30-летнего. Потому что в

30–40 лет здоровья у меня такого не было, я спортом не занимался, а оперный певец — профессия физически очень изматывающая. Да и знал я тогда меньше, и боялся всего, и переживал больше. Неуверенность какая-то меня терзала. Наверное, просто от незнания мира, отсутствия опыта. Но, с другой стороны, я был безрассудный, упрямый. Слушал людей — делал наоборот. Впрочем, и сегодня я часто поступаю точно так же.

— Только что вы были удостоены престижной награды от влиятельного американского журнала Opera News. Для вас лестны подобные знаки почтения?

— Честно сказать, из всех званий и наград я более всего ценю две российские: народный артист России и лауреат Госпремии. В Америке же награду от Орега News считают оперным «Оскаром». В прошлые годы лауреатами этой премии становились Пласидо Доминго, Джеймс Ливайн, Риккардо Мути, Рене Флеминг, Томас Хэмпсон, Рене Папе, Роберто Аланья, Натали Дессей, Анжела Георгиу. На этот раз вместе со мной были отмечены, например, знаменитая финская певица-сопрано Карита Маттила и выдающийся американский режиссер Питер Селларс — компания очень приятная. Награды вручили в торжественной обстановке, но домой, в Лондон, мне пока еще ничего не доставили. Большинство моих наград сберегается родителями. Они все это передают в музей в моем родном Красноярске. Там очень много самых разных экспонатов. А у меня дома, в Лондоне, весь мой архив — газеты, журналы, фотографии, программки — лежит в пластмассовых контейнерах, практически на улице. Там же, где огромные чемоданы, швабра с тряпкой и пылесос. Все покрывается плесенью и паутиной, но держать этот необъятный архив больше негде. Может быть, когда моя карьера закончится, меня потянет на воспоминания, и тогда я и разберу его. Но сегодня мне даже подумать об этом страшно.

— Хемингуэй говорил, что более всего мужчине мешают в достижении успеха алкоголь, женщины и тщеславие, но они же в той же самой степени и помогают...

— Честолюбие — да. Тщеславие я не считаю положительным качеством. Я его ненавижу. Это величайшее зло, один из демонов, который правит сейчас миром. А что касается алкоголя, он в какой-то мере сыграл значительную роль в моей карьере, так как сопутствовал моему росту, становлению на протяжении многих лет.

— То есть?!

— Таким довольно опасным способом я снимал стресс. Другим не советую. Что до тестостерона — это двигатель мужского прогресса. Соответственно, и всемирного тоже. Так что тут я тоже с Хемингуэем согласен. С другой стороны, тестостерон, конечно, мутит мозги и заставляет делать массу самых непредсказуемых глупостей: